

**ГБУК «НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА»**

***«Надобно иметь силу характера
говорить и делать одно и то же»***

СЦЕНАРИЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕЧЕРА

К 215-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

2026

«Надобно иметь силу характера говорить и делать одно и то же» :
сценарий литературного вечера к 215-летию со дня рождения А. И. Герцена /
ГБУК «Новгородская обл. универсальная науч. б-ка». - Великий Новгород,
2026. - 23 с.

Методические рекомендации к проведению мероприятия в формате литературного вечера

Продвижение книги и чтения остается основным направлением в деятельности каждой библиотеки. Программы по популяризации книги и чтения реализуются с привлечением в библиотеки всех категорий населения, но особое внимание уделяется содействию чтения детей, подростков и молодежи. Необходимой составляющей современной просветительской деятельности библиотек сегодня должна стать привлечение детей и молодежи к чтению классической и современной литературы, участию в различных конкурсах, творческой самореализации.

В 2027 году будет широко отмечаться 215-летие со дня рождения Александра Ивановича Герцена – выдающегося русского публициста, писателя, педагога, философа. Он мечтал о свободной России, где крестьянин будет человеком, а не «двуногим скотом». Отвергал жёсткую диктатуру, считая, что насилие порождает лишь новое рабство. Герцен теорию «русского социализма», которая предполагала социалистическое переустройство общества на основе крестьянской общины. Его публицистика была инструментом борьбы за перемены. Идеи Герцена о свободе, справедливости и достоинстве личности до сих пор звучат актуально.

Настоящий материал ставит своей целью оказать помощь в организации работы в период подготовки и празднования 215-летнего юбилея А. И. Герцена. На основе рекомендуемых материалов предлагаем подготовить и провести мероприятие в формате «литературный вечер». Материал оформлен в виде сценария, за основу которого взяты материалы исследований И. А. Желваковой, Е. А. Соловьева (В. Д. Смирнова) и др.

Материал ориентирован как на учащихся старших классов средней школы, так и на взрослую читательскую аудиторию.

«Лучшая биография Герцена написана им самим. К «Былому и думам» мало, что можно прибавить».

Е. А. Соловьев

1-й ведущий.

Александр Иванович Герцен родился в Москве 25 марта 1812 года, за несколько месяцев до нашествия Наполеона. Он был внебрачным сыном родовитого русского барина Ивана Алексеевича Яковлева и молодой немки Луизы Ивановны Гааг, которую Яковлев увез из Штутгарта. За младенцем, названным Александром, закрепят «сердечную фамилию». А что поделать — незаконный, Яковлевым не назовешь, а вот немецкое слово *Herz* (сердце, по-нашему) будет очень кстати. И «воспитанник господина Яковлева» не вызовет досужих перетолков. Так и запишут в канцелярском свидетельстве: воспитанник.

2-й ведущий.

Иван Алексеевич сразу и навсегда привязался к ребенку. Когда его спросили, какую дать фамилию новорожденному, он сказал - «Herzen» («Сын любви»). Он звал его не иначе, как Шушка, вплоть до того времени, пока у Герцена не появился свой собственный маленький Шушка.

Оберегая ребенка от простуды, он не выпускал его из комнаты целую зиму, а если позволял прокатиться, то сверх шубы и теплой шали закутывал платками и шарфами. Предостерегая от расстройства желудка, держал на строгой диете. При малейшем насморке или кашле поднимались такие хлопоты и тревоги, что, глядя на них, ребенок воображал себя сильно больным и принимался блажить до того, что всех выводил из терпения. Сейчас являлся доктор, прописывал лекарства, которые давал ему по часам и непременно с точностью до одной секунды сам Иван Алексеевич. Если Шушка, закутанный в меха, одеяла и шарфы и лежа притом в страшно натопленной комнате, принимался колобродить и метаться, Иван Алексеевич садился подле него и старался его развлечь, давая ему ломать дорогие игрушки, - что, кстати сказать, Герцен в здоровом состоянии духа очень любил делать, - а если это не помогало, брал его на руки и ходил с ним по комнате, пока ребенок не успокаивался. Замечательно, между прочим, что чем больше беспокоил его сын, чем больше он капризничал, тем это больше нравилось Ивану Алексеевичу: в неудержимых капризах Шушки он как бы любовался собственной своей природой.

Кроме отца, ребенка баловали все окружающие без исключения.

1-й ведущий.

Более странную обстановку, чем та, которая окружала Герцена в детские годы, трудно себе и представить. И старое барство, и русское самодурство, и немецкая кротость, и безалаберность крепостничества, и европейские замашки соединились вместе возле его колыбели сначала, возле его комнатки потом, чтобы создать один из самых разносторонних умов, которые только знает наше прошлое.

Учиться Шушке не хотелось. Пока интереса не было. Гувернеры, учителя в доме не задерживались. Учили всему понемногу: французскому, немецкому, словесности, даже танцам. Другое дело — чтение. Когда книги свалены в кучу в волшебной нежилой комнате, а ключ от нее припрятан, страстно хочется проникнуть в эти «литературные закрома». Что читал? Да все, без разбору.

2-й ведущий.

С детских лет другом Герцена стал Николай Огарев. Яковлевы и Огаревы были дальними родственниками. Но не только родство связывало эти два дома. Герцен и Николай Огарев выросли, сформировались в схожих условиях, их умственное развитие шло буквально «след в след». Поэтому, когда встретились эти два юноши, то они (при всем различии темпераментов и характеров) были уже готовы к тому, чтобы стать друзьями на всю жизнь. И не случайно Огарев потом очень кратко, но точно сказал, что «путь наш был один...».

Николай родился в семье одного из самых богатых помещиков России — Платона Богдановича Огарева. Свое детство Николай Огарев называет «страдальческим». Он фактически не знал матери, она умерла, когда ему было полтора года. До четырех лет Огарев не ходил. Он в противоположность Герцену родился болезненным, слабым, нервным. Гулять его не пускали, боясь простуды, лечили «домашним заключением». Платон Богданович в семье был деспотом, «детская веселость смолкала при его появлении». Через всю жизнь Огарев пронес воспоминание детских лет о селе Старое Акшено под Пензой. Трехлетним ребенком он там учился ходить.

1-й ведущий.

Жизнь друзей протекала в усиленной умственной, внутренней работе. Военное настроение, безмерное тяготение к мундирам и эполетам, грезы о воинской службе, так воодушевлявшие Ника, скоро были развеяны, хотя и значительно позже, чем у юного Шушки. На первый план выступали политические интересы, уже не подверженные влиянию домашних учителей и навязанных наставников. Идеи вызревали, вырастали из освоения

философских, естественно-научных и политических сочинений. Хотелось самим сочинять. Ник занялся стихотворством, математикой и музыкой. У Александра обнаружились недюжинные способности к естественным наукам.

2-й ведущий.

Пришло время выбирать поприще будущей деятельности. «Выбирать» — именно так был настроен Герцен. Но иначе думал его отец, Иван Алексеевич. Он уже все давно решил, решил, когда Шушке только еще исполнилось восемь лет. Иван Алексеевич хотел видеть сына на дипломатической службе или военным. Сам Иван Алексеевич служил в Измайловском полку. Помнил Иван Алексеевич и о том, что военная служба открывает возможность быстрого продвижения по лестнице чинов, чины прикроют «пятно» — незаконнорожденность — Шушки. Как бы там ни было, но еще тогда, когда восьмилетний ребенок с серьезным видом ломал замысловатые игрушки, чтобы добраться до их начинки, Иван Алексеевич, накинув сыну несколько лет, зачислил Александра «в ведомство экспедиции кремлевского строения». Но Герцен решил по-своему. И настоял на своем. Он пойдет в университет.

Выбор удивил всех, кто знал Сашу с детства. Александр подал прошение на физико-математическое отделение Московского университета.

1-й ведущий.

Дома немногие знали, что незадолго до того, как у Александра окрепло желание поступить в университет, он сблизился со своим двоюродным братом Алексеем Александровичем Яковлевым — «Химиком» (как его насмешливо прозвали в семейном кругу). Герцен стал время от времени навещать брата. Все поражало Александра в доме Химика. Почерневшие канделябры, причудливая мебель, часы, будто бы купленные Петром I в Амстердаме, драные кресла, будто бы принадлежавшие польскому королю Станиславу Лещнскому. И маленькая, до одури натопленная комната — кабинет. С самого начала знакомства Химик увидел, что Александр думает серьезно об университете, его влекут естественные науки, но он еще не знает, а может быть, все-таки филология? Химик стал уговаривать Сашу бросить пустые занятия литературой, а взяться за науки естественные. Химик дал Герцену сочинения Кювье и «Растительную орнитографию» де Кандоля, показал ему свои превосходные гербарии, химическую аппаратуру. Он интересовался всем — «от камней до орангутанга».

2-й ведущий.

В конце августа 1829 года прошение о дозволении слушать лекции на факультете, не без возникших сложностей в связи с формальной службой в

Кремлевской экспедиции (и даже, как ни парадоксально, получением первого чина) наконец было подано, и с 14 октября того же года Александр Иванович Герцен зачислен в студенты. Огарев потянулся вслед за другом, определившись вольнослушателем на словесное отделение.

Шумная студенческая семья «в семьсот голов» захватила Александра и вынесла его в свободное плавание. Притом отеческая опека, хотя бы в лице сопровождавшего его на курс камердинера, — дань «старинному помещичьему воспитанию», которого упрямо придерживался Яковлев (ничуть не сомневаясь в тщетности своих попыток), — отнюдь не ослабевала. Определялось и время возвращения домой подросткового барчука: не позже половины одиннадцатого. И так до двадцати одного года.

1-й ведущий.

В 1830-1831 гг. вокруг Герцена и Огарева складывается кружок друзей и единомышленников. В «Былом и думах» Герцен говорит, что вначале их было пятеро, то есть сам Герцен, Огарев, Сазонов, Сатин и Алексей Николаевич Савич. Шестым членом вошел в кружок Герцена и Огарева Вадим Васильевич Пассек. Позже других в кружок Герцена вошел Алексей Кузьмич Лахтин.

В «Былом и думах» Герцен говорит, что кружок его и Огарева вел пропаганду, выходящую за стены университета. Что же они «пропагандировали»? «Идеи были смутны, мы проповедовали декабристов и французскую революцию, потом проповедовали сен-симонизм и ту же революцию, мы проповедовали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего проповедовали ненависть к всякому насилию, к всякому правительственному произволу».

2-й ведущий.

История конфликта студентов Московского университета с профессором Маловым лишь подтверждает бунтарские настроения кружка Герцена и Огарева. Герцен вспоминает: «Малов был глупый, грубый и необразованный профессор... Студенты решились прогнать его из аудитории. Сговорившись, они прислали в наше отделение двух парламентаров, приглашая меня прийти с вспомогательным войском. Я тотчас объявил клич идти войной на Малова...» Кончилось дело тем, что Малова не только выгнали из аудитории, но и проводили вон из здания университета, кинув вслед профессору его калоши. Николай I, до которого дошла эта история, отстранил Малова от преподавания, но зачинщики, и в их числе Герцен, оказались в карцере.

Яковлев, конечно, добился у начальства, чтобы его Шушку, слабого здоровьем, освободили досрочно, но Герцен отказался покинуть карцер ранее своих товарищей. Это стало известно всем студентам. «С этого времени я в аудитории пользовался величайшей симпатией».

1-й ведущий.

Темой кандидатской диссертации Герцен избрал «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника». Судя по всему, Герцен стоял на том, что нельзя рассматривать те или иные научные открытия и достижения вне эпохи, вне ее потребностей. Более того, Герцен попытался философски осмыслить свою историко-естественную тему, доказывая, «что наука развивается по законам, в уровень с человечеством» и по одним и тем же законам, как и мышление». Герцен был уверен, что получит золотую медаль, во получил вторую серебряную. Золотая досталась Александру Драшусову, ставшему вскоре известным астрономом, первая же серебряная была вручена Николаю Сатину. Выпускной экзамен состоялся 22 июня 1833 года. Через четыре дня Герцен пишет Наталье Захарьиной: «День был душный, и пытка продолжалась от 9 утра до 9 вечера... Но при всем удовольствии самолюбие было задето тем, что золотая медаль досталась другому». А в июле Герцен в письме к Наташе добавил: «Сегодня Акт, но я не был! Ибо не хочу быть вторым при получении награды». Герцен был выпущен кандидатом по физико-математическому отделению.

2-й ведущий.

Год, проведенный после университета, еще более сплотил старых друзей. «Это был продолжающийся пир дружбы, обмена идей, вдохновенья, разгула». Не успев покинуть университетские стены, Герцен уже намечал себе дальнейшую программу жизни. Деятельность: наука, журнал, углубленное самообразование.

А 9 июля 1834 года Николай Платонович Огарев был арестован При обыске у него нашли письма, в том числе и письма Герцена. Сам Герцен метался в поисках людей, которые могли бы помочь попавшему в беду другу. Но помочь никто не согласился. Но Герцен узнал, что повод для ареста — какой-то праздник, пир молодежи 24 июня, где пелись антиправительственные «стихи». Герцен о нем слыхом не слыхивал. Ни Огарева, ни Герцена там не было. В тот день праздновались именины Ивана Алексеевича Яковлева, на которых они оба присутствовали. Алиби было надежным. Но вытащить сына из тюрьмы был не в состоянии даже влиятельнейший отец Огарева, располагавший немалыми финансовыми возможностями. Взятый им на поруки Ник вновь оказался в заключении в конце июля 1834 года.

1-й ведущий.

А среди ночи 21 июля 1834 года Герцена арестовали в доме отца. 24 июля его вызвали на первый допрос. Обер-полицмейстер Цынский подал Герцену листок, на котором стояло 15 вопросов.

Вопросы были построены так, чтобы выведать знакомства подследственного, его корреспондентов, связи. Александр Иванович был скуп в ответах, все время подчеркивая, что вел домашний образ жизни, «имел больного отца», из знакомых перечислил только тех, кто мог слыть образцом благонадежности, ну и, конечно, Огарева, Пассеков, Сатина, письма которых были найдены в его бумагах. Герцен с чистой совестью отрекся от вопроса о принадлежности к тайному обществу.

В конце августа Герцена переводят в Крутицкие жандармские казармы, как бы закрепляя за ним звание политического преступника.

В январе следственная комиссия разрешает всем родственникам Герцена навещать его. Чаще других бывает мать, Луиза Ивановна.

2-й ведущий.

23 марта становится известным приговор Николая I по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные песни»: А.В. Уткина, Л.К. Ибаева, В.И. Соколовского, автора «пасквильных» песен, заключить в Шлиссельбургскую крепость, а «прочим по назначению комиссии». Герцен ссылается в Пермскую губернию.

19 мая 1835 года Герцен добрался до Вятки. Уже первое знакомство с губернатором, чиновниками, в среде которых поневоле придется вращаться, привели Александра Ивановича в ужас. Герцена определили на должность переводчика губернской канцелярии, что было немногим лучше, и только потому, что должность переводчика была фиктивной. Языков тех национальностей, которые населяли губернию, Герцен не знал. И в результате «переводчик» стал простым канцеляристом.

Именно в Вятке Герцен возвращается к литературно-художественным опытам, начатым еще в тюрьме. Александр Иванович еще не предполагал, что эпистолярный жанр станет впоследствии формой, в которую выльется целый ряд его выдающихся сочинений.

И наконец, пришла долгожданная весть — с Вяткой покончено. Нет, Николай I не простил Герцена, не вернул его в Москву, просто сменил место ссылки. Взамен Вятки — Владимир и без права посещения Москвы. Об этой радостной перемене сообщило письмо (от кого — неизвестно) 28 ноября 1837 года.

1-й ведущий.

Герцен въезжал в древний стольный город Владимир под вечер 2 января 1838 года. То, что в Вятке казалось почти несбыточной мечтой, во Владимире обрело реальные возможности — свидание с Наташей, его двоюродной сестрой, давним другом и сердечной привязанностью.

2-й ведущий.

Своего двоюродного брата Александра Наталья Захарьина обожала с детства. «Еще ребенком я любила тебя без памяти, и каждое слово твое было мне — закон», — писала она ему позже. Герцен не обращал особого внимания на девочку-подростка, у него были другие интересы — переустройство общества — вот что волновало Герцена больше всего. Наталья поддерживала его долгие месяцы тюремного заключения и после вынесения приговора. Переписывалась с ним в годы вятской ссылки. «Несколько слов глубокой симпатии, сказанные семнадцатилетней девушкой, которую я считал ребенком, воскресили меня», — вспоминал Герцен.

1-й ведущий.

После смерти родителей маленькую Наташу «из милости» взяла в дом своенравная и деспотичная тетка княгиня Марья Алексеевна Хованская. «Кругом было старое, дурное, холодное, ложное, мое воспитание началось с упреков и оскорблений», — так вспоминала Наталья Александровна свою безрадостную юность. Переписка с кузеном стала единственной отрадой для бедной воспитанницы. Молодые люди мечтали о встрече и признавались друг другу в любви.

2-й ведущий.

Как только появилась возможность покинуть Вятку, Герцен переехал во Владимир, надеясь обрести счастье с любимой. Но княгиня, узнав об их переписке, пришла в негодование и решила немедленно выдать Наталью замуж, пока не вернулся ее «каторжник», «человек без религии и правил».

В женихах недостатка не было, ведь за воспитанницей тетка давала хорошее приданое. Девушка решительно отвергла все предложения, и разгневанная княгиня посадила ее под домашний арест. Александр обратился за помощью к отцу, но не получил поддержки. Оставалось тайно увезти любимую и обвенчаться. Две недели ушло на приготовления. Герцен договорился со священником, который согласился обвенчать их, если девушка предъявит метрическое свидетельство. А его-то и не было! Александр в отчаянии писал Наталье: «Мое положение ужасно: все, казалось, было готово, но теперь нет доказательства о твоём совершеннолетии. Я гибну без тебя. Приезжай на авось, авось сладим. Страшно, безумно, ну, слушай, ежели не сладим. Есть средство, данное богом людям — синильная кислота, выпьем вместе и в один миг к богу отцу».

1-й ведущий

Наконец необходимый документ был получен. С помощью московских друзей Герцен организовал побег невесты. Все происходило как в романе. Княгиня уехала к обедне, Наташа осталась дома, сославшись на головную боль. Девушка тайком покинула дом и добралась до оговоренного места, где ее уже ждал Александр. В тот же день счастливые влюбленные уехали во Владимир. 9 мая 1838 года в маленькой церкви состоялась свадьба. Не было ни певчих, ни родственников, но молодые, стоя перед алтарем, были счастливы. Ему было 26 лет, ей – 20. После свадьбы Наталья Александровна писала подруге: «Мы с Александром расстаемся недели в две на один только час».

Вскоре стало известно, что в семье ожидается пополнение. Супруги наслаждались семейной жизнью. Тихие вечера и прогулки сменялись бурным весельем, когда приходили гости. В доме часто звучали музыка и песни, устраивались танцы. В июне 1839 года у Герцена родился сын Александр. Счастливый отец писал: «Явился на свет Александр Герцен II. Все до сих пор чрезвычайно легко и благополучно». В тот же месяц с Герцена был снят полицейский надзор. Семья вернулась в Москву. Но это было временно.

2-й ведущий.

В апреле Герцен обратился к Бенкендорфу с просьбой ходатайствовать перед царем о разрешении служить там, где потребуют семейные обстоятельства, в том числе и в столицах. Но Николай I ответил кратко: «Рано». И Герцен получил новое направление на службу - в Новгород.

2 июля 1841 года Герцены прибыли в Новгород и остановились сначала в гостинице купца Гибина, а затем перебрались в дом, стоящий на берегу Волхова, «против самого того кургана, откуда вольтерянцы XII столетия бросили в реку чудотворную статую Перуна». «Квартиру мы наняли далеко, в глуши, с огромным садом, — пишет Наталья Александровна Авдотье Витберг, — мимо нет проезда почти и не ходит никто, точно деревня, перед глазами Волхов, грязный, желтый...» Позднее Герцены начали снимать квартиру на берегу реки Волхов, на противоположном берегу сегодня находится Монумент Победы.

1-й ведущий.

В Новгороде Александра Ивановича обязали служить советником в Новгородском губернском правлении, которое располагалось в здании Присутственных мест. По вступлении Герцена в должность он дал присягу в Софийском соборе. Текст присяги и другие документы, связанные с его службой в Новгороде, хранятся в Государственном архиве Новгородской области.

Атмосфера государственной службы угнетала Герцена. Но среди рутинных дел встречались и такие, которые привлекали его внимание. Например, случаи злоупотребления помещиками своей властью. В разборе этих дел он всегда принимал сторону угнетенных, заступался за несправедливо обвиняемых царским судом крестьян. Однако Александр Иванович вскоре убедился, что сил одного человека недостаточно, чтобы бороться с системой, и 29 апреля 1842 г. его желание об отставке было удовлетворено.

В день своего 30-летия, 25 марта (по старому стилю) 1842 г., Герцен по просьбе жены стал вести дневник, продолженный им затем в Покровском и Москве (1842-1845). Дневник отразил многие факты личной и общественной жизни Герцена, его переживания и взгляды.

2-й ведущий.

Будучи в Новгороде, Александр Иванович часто присматривался к жизни и быту крестьян, к фольклору. В дневнике можно найти следующие строки: »Вчера, поздно вечером или вернее ночью, сидел я у окна с Наташей, было тепло и чрезвычайно хорошо. Тишина мертвая. Волхов сверкал, тихо и гладко тек он, ни листок не шелохнется, весла шумели правильно, ритмом разделяя время, на другом берегу пел мужик какую-то бесконечную песню, мы слушали ее с восторгом».

Во время новгородской ссылки большой размах получают философские искания Герцена. Из его дневника можно узнать, что в Новгороде он приступил к работе над большими философскими трудами: «Дилетантизм в науке» (1842-1843), «Письма об изучении природы» (1844-1845).

1-й ведущий.

Несмотря на условия ссылки, Герцен развернул в Новгороде большую литературно-публицистическую деятельность. Им было написано в это время много произведений в самых различных жанрах: фельетоны «Москва и Петербург», «Новгород Великий и Владимир на Клязьме», две статьи из философского цикла «Дилетантизм в науке», первая часть романа «Кто виноват?», «Новгородский дневник», не говоря уже о многочисленных письмах и заметках. Кроме того, освоение новгородского материала продолжалось Герценом впоследствии – в процессе работы над 2 частью «Кто виноват?», над новгородской главой в «Былом и думах», над некоторыми страницами труда «О развитии революционных идей в России».

У Герцена в Новгороде останавливались видные деятели русской культуры и литературы – В.Г. Белинский, Н.П. Огарев, Н.М. Сатин, И.П. Галахов и др. Со столичными, а также вятскими и владимирскими друзьями он вел оживленную переписку.

Новгородская тема, как современная, так и историческая, плодотворно была использована писателем в революционных целях. А республиканско-вечевой колокол древнего Новгорода стал для Герцена и его друга Огарева олицетворением могучего свободного голоса, поднимающего народ на борьбу с монархией. Недаром созданная за границей Герценом и Огаревым первая русская свободная газета получила название – «Колокол».

2-й ведущий.

Николаю I передают просьбу Герцена разрешить ему «пребывание в Москве или... свободный туда проезд по временам». Но Николай был неумолим, 14 июня он поставил на прошении резолюцию «Не заслуживает того». Через Огарева Герцену становится известна государева воля, он же передает совет - Наталье Александровне обратиться к императрице. Это письмо привез «гонец», к письму был приложен «черновик» обращения. Как ни отвратительно все это выглядело, но иного выхода не было, и Наталья Александровна «переписала, подписала» черновую, которая и была отправлена в Петербург с тем же «гонцом» графу В.А. Соллогубу, взявшему на себя миссию передать письмо императрице.

3 июля 1842 года царь наложил резолюцию на прошение Натальи Александровны: «В Москве жить может, но сюда не приезжать и оставаться под надзором полиции». Герцену разрешалось сопровождать больную жену.

12 июля 1842 года Герцены отбыли в Москву.

1-й ведущий.

Гласный надзор с Герцена снят не был, и это тоже не способствовало доброму расположению духа. И все-таки Москва, друзья и... относительная свобода хотя бы от необходимости являться на службу. Все это коренным образом перестроило быт Герцена. В Петербурге, потом Новгороде он почти никогда по утрам не работал. Не стоило начинать, так как в девять нужно было быть в канцелярии. В Петербурге, и особенно в Новгороде, Герцен работал ночами. Он всю жизнь на удивление мало спал — четыре-пять часов в сутки, а бывало, и вовсе не ложился, но неизменно выглядел бодрым и был деятелен как обычно. В Москве привыкал работать по утрам, когда в доме тишина, никто и ничто не отвлекает. Вечера и ночи были отданы друзьям, театрам, отцу.

2-й ведущий.

Годы, проведенные в Москве, только укрепили философские и политические взгляды Герцена. И сделали ему имя как писателю. В № 12 «Отечественных записок» за 1845 год были опубликованы четыре главы первой части романа Герцена «Кто виноват?». А в № 4 за 1846 год тот же журнал публикует последующие V, VI, VII главы. Работа над романом

второй его части прервалась написанием повестей «Сорока-воровка» и «Доктор Крупов». Обе они были написаны очень быстро: в январе 1846 года завершена «Сорока-воровка», в феврале «Доктор Крупов». Получив «Сороку-воровку», Белинский извещает Герцена: «Твоя «Сорока-воровка» отзывается анекдотом, но рассказана мастерски и производит глубокое впечатление...». Но повесть пролежала два года и была напечатана в «Современнике» в феврале 1848 года.

1-й ведущий.

Герцен давно уже подумывал о том, что было бы хорошо побывать за границей, подлечить Наталью Александровну. Герцен едет в Петербург хлопотать о снятии с него полицейского надзора. И вот в ноябре 1846 года это свершилось. Теперь можно и в путь. Паспорта на выезд для себя, жены, детей и матери получены. И все же он медлит с отъездом, напоминая больного, которому трудно расставаться со своими недугами. А его недуги — это недуги России, ее беды, боль ее народа. Но разве он уезжает навсегда? У Герцена в мыслях того не было — остаться на Западе. Посмотреть на Запад, убедиться воочию, какова там свобода, о которой так много и так красочно пишут западные историки и публицисты. И обратно домой, в Москву, в Россию, к своему народу, целить его недуги, бороться за его свободу.

2-й ведущий.

До второй почтовой станции санкт-петербургского тракта — Черная Грязь, в белоснежный, искрящийся, солнечный день провожали шесть-семь троек. Так запомнилось Герцену. В памяти Татьяны Астраковой осталось, что ее брат Сергей, которому было поручено организовать проводы, в Дорогомиловой слободе нанял «не то десять, не то пятнадцать троек», а местные ямщики только диву дались: «Вот так проводы! Да так только царей провожают...»

Вновь прощались, вновь поднимали бокалы... Двинулись в путь только к вечеру. Никому не дано было знать, что дорога ведет к вечной разлуке.

Календарь зафиксировал дату по старому стилю: воскресенье, 19 января 1847 года. Обрывалась российская жизнь. Границу России предстояло пересечь по новому летоисчислению.

1-й ведущий.

И вот Герцены в Европе. Путь их лежит через Пруссию в Германию, а затем во Францию. Конечная точка путешествия — Париж.

В Берлине семья задержалась почти на месяц. Герцен побывал у немецких светил медицины Иоганна Диффенбаха (величайший хирург, был пионером хирургии губ, челюсти и неба, а также рино- и блефаропластики) и

Вильгельма Крамера (выдающийся специалист по ушным болезням. Он хотел проконсультироваться относительно перспектив выздоровления своего сына Николая, который родился глухонемым, но знаменитости не скрыли своего пессимизма в отношении здоровья мальчика.

2-й ведущий.

Обосновавшись в Париже, Герцены познакомились с немецким поэтом-эмигрантом Георгом Гервегом и его женой Эммой. Георг в то время испытывал финансовые трудности, и встреча с «русскими друзьями» оказалась кстати. Гервеги практически жили за счет Герцена. Георг был самолюбив и вечно чем-то недоволен. Александр Иванович писал о нем: «ему постоянно нужен проводник, наперсник, друг и раб вместе». Но романтическая Наталья Александровна влюбилась в поэта с первого взгляда. она написала ему письмо: «Когда я увидела тебя впервые, каким божественно прекрасным, каким привлекательным ты мне показался! твое присутствие делает меня счастливой!».

Наталья Александровна разрывалась между новой любовью и долгом. Она беспокоилась за мужа. Александр Иванович догадывался о чувствах жены к Гервегу, однако до определенного времени не подозревал, что их отношения зашли так далеко. Осознав всю тяжесть своего положения, Герцен, следуя жизненной философии идеалистов 1840-х гг., захотел отступить, предоставив жене свободу.

1-й ведущий.

Тем временем на семью Александра Ивановича обрушилось новое несчастье: его мать Луиза Ивановна Гааг и восьмилетний сын Николай трагически погибли во время кораблекрушения. Измученный Герцен писал: «я устал, я сломлен, я состарился. Укатал меня этот 1851 год». Драматические события дорого обошлись и Наталье Александровне. Слабое здоровье, смерть детей, разрыв с мужем и бурные страсти раньше срока свели ее в могилу. Весной 1852 года она умерла. Герцен тяжело переживал потерю жены, которую продолжал любить, несмотря ни на что.

2-й ведущий.

В августе 1852 года Герцен прибыли в Лондон. Его не покидала мысль о том, что здесь-то он сумеет организовать достаточно авторитетный форум, ведь Лондон стал местом международной эмиграции, которую понемногу вытесняли даже из «демократической» Швейцарии... Он не собирался тут надолго задерживаться, тем более что дети, ныне последняя его отрада, были в Париже.

Но, оглядевшись и после долгих раздумий, Герцен отчетливо понял, что ехать-то ему, собственно, некуда. Его пугали прежние эмигрантские собрания, он не нуждался сейчас и в друзьях. Он хотел одиночества.

И он принимается за главный труд своей жизни – «Былое и думы»

1-й ведущий.

В предисловии к «Былому и думам» Герцен, вспоминая о годах работы над автобиографией, писал: «...Одно воспоминание вызывало сотни других; все старое, полузабытое воскресало: отроческие мечты, юношеские надежды, удаль молодости, тюрьма и ссылка...» «Может, я один слышу, как под этими строками бьются духи... может, но оттого книга эта мне не меньше дорога».

Книга пишется с увлечением, и Герцен редко отрывается от работы.

Но не только работа над «Былым и думами», работа, как поначалу полагал Герцен, интересная и важная для него и десятка его русских друзей, целиком занимала время Александра Ивановича. Еще в 1849 году он пытался наладить в Париже печатание русских книг, но, «преследуемый рядом страшных бедствий», не осуществил своего намерения. Теперь же он твердо решил, что пришло время вольному русскому слову. Организационные трудности Герцена не пугали, да их и не было. Герцен был достаточно богат, чтобы при помощи польских друзей-эмигрантов найти все необходимое для типографии — помещение, печатный станок. Нашелся и русский шрифт в Париже у издателя Дидо.

2-й ведущий.

22 июня 1853 года станки Вольной русской типографии были пущены в ход. И первым был отпечатан листок «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству». Вольная типография сразу же поставила самый главный, самый больной вопрос России — вопрос о крепостном праве. И другой листок тоже был актуальнейшим, он назывался «Поляки прощают нас!». Этим листком Герцен ратовал за союз с поляками при полном национальном равноправии, союз борющихся против царизма. Еще ранее появился листок, который своим заглавием стал потом в русской литературе и публицистике нарицательным. Он назывался «Крещеная собственность» — «небольшой отрывок о крепостном состоянии».

Герцен удостоверился в том, что расхождения во взглядах на российскую действительность между ним и его старыми друзьями не только не сгладились, а еще более углубились.

Начавшаяся Крымская война должна была получить у Герцена соответствующую его взглядам оценку. И он дал ее. Но позиция Герцена в известной мере была двойственной. Он глубоко чтит память Отечественной войны 1812 года, восхищался освободительной миссией русского народа,

русского солдата. Крымскую же войну он считал войной не народной, войной, нужной только царизму. Но Герцен делал далеко идущие выводы, обосновывая свои надежды на то, что эта война приведет к демократизации общественного строя России. И в этом его заблуждение.

1-й ведущий.

В 1854 году Герцен, долго работавший над первыми частями «Былого и дум», решается опубликовать главы «Тюрьма и ссылка». Успех этой публикации превзошел все ожидания. Правда, в Россию проникли лишь единичные экземпляры, зато в Западной Европе французские, английские, немецкие журналы поместили отрывки. Английский журнал «Атеней» заявил, что «Тюрьма и ссылка» — «самое интересное из всех существующих сочинений о России». Теперь уже Герцену не печатать стало труднее, чем печатать. И Герцен берется за продолжение «мемуара».

В 1855 году ровно через месяц после кончины императора Николая I Герцен сообщает Ж. Мишле о том, что он начинает издание русского журнала под названием «Полярная звезда».

В апреле 1855 года «Объявление о «Полярной звезде» было отпечатано отдельным оттиском. И, что важно, сообщалось содержание первого номера. Это свидетельствует о том, что Герцен задумал журнал значительно раньше. Не случайно герценовский журнал назывался именно так. Полярная звезда — звезда путеводная. «Полярной звездой» называли свой альманах Кондратий Рылеев и Александр Бестужев — первый был повешен, второй погиб в битве с горцами близ Адлера. »Полярная звезда» скрылась за тучами николаевского царствования. Николай прошел, и Полярная звезда является снова...

2-й ведущий.

Издание начиналось «Объявлением». Затем шло открытое письмо Герцена к новому русскому императору Александру II. Герцену в то время казалось — императорская власть в России столь сильна, что может без боязни направить всю мощь свою на «благодетельные реформы». А что эти реформы назрели, что дальше жить так нельзя, Герцен иллюстрирует письмом Белинского к Гоголю, впервые опубликованным на русском языке.

Около 20 августа 1855 года вышла первая книжка «Полярной звезды». Приехал и первый гость из России — доктор Павел Лукич Пикулин. Он привез Герцену тетради со стихотворениями Пушкина, Лермонтова, Полежаева, письма от друзей. А в обратный путь доктор повез «Полярную звезду». Доктор возвращался в Москву без паспорта и вез письма от «государственного преступника».

1-й ведущий.

Друзья остались недовольны, особенно герценовской «Звездой». Известный собиратель народных сказок Александр Николаевич Афанасьев пишет сыну декабриста Ивана Якушкина в Сибирь: «Пикулин воротился из-за границы и привез много рассказов о нашем приятеле, у которого прогостил две недели. Утешительного и хорошего мало...» Герцен возлагал большие надежды на Грановского, Кетчера, но вновь должен был разочароваться в старых друзьях. Грановский заключает письмо Кавелину: «Представь себе, что при всем том Александр Иванович мечтает о возврате в Россию и даже хотел в следующем году прислать сына в Московский университет. Каков практический муж!»

Мечты Герцена о возвращении в Россию только лишний раз свидетельствовали о том, что в это время он был достаточно оторван от России, не знал об истинном положении дел внутри ее.

Вторая книжка «Полярной звезды» вышла в двадцатых числах мая 1856 года. Неизданные стихи Пушкина, Рылеева, Лермонтова, некролог Чаадаеву, главы из «Былого и дум» и дерзкая передовая «Вперед! Вперед!». Появляются уже и первые корреспонденты. Из старых — Николай Сазонов, приславший статью «Место России на Всемирной выставке», Но это из Парижа. Из России письмо юношей, которое растрогало Герцена до слез. Юноши (анонимы) благодарят Герцена за типографию, за «Полярную звезду».

2-й ведущий.

А 9 апреля 1856 года в Лондон наконец прибыл старый друг Герцена Огарев, который сразу же включился в издательские дела Герцена.

В это время Герцена и Огарева уже увлекло новое начинание — создание гибкого, злободневного органа. Тучкова вспоминает разговор Огарева с Герценом: «А знаешь, Александр, — сказал Огарев, — «Полярная звезда», «Былое и думы» — все это хорошо, но это не то, что нужно, это не беседа со своими, — нам нужно бы издавать правильно журнал, хоть в две недели, хоть в месяц раз; мы бы излагали свои взгляды, желания для России и проч.».

Герцен с готовностью поддержал предложение друга, и оба погрузились в практическую работу по организации нового издания, которое будут называть то журналом, то газетой, — «Колокола».

С июля 1857 года по январь 1858-го «Колокол» выходил раз в месяц, а с июня 1859-го часто выпускался еженедельно. По тем временам тираж его был большим — 2500 экземпляров.

В первом номере «Колокола» излагалась его программа: освобождение слова от цензуры, крестьян от помещиков, податного состояния от побоев.

1-й ведущий.

Герцена захлестнул поток писем из России. Писали сановники и гимназисты, помещики и мещане, литераторы и ученые, друзья и противники.

«Колокол» читала императрица Мария Александровна. Александр II приказал доставлять ему каждый экземпляр герценовского издания.

«Колокол» в Россию доставляли русские путешественники. Но он проникал и «официальным» путем.

Но вот и наступил день 5 (17) марта 1861 года. В этот день во всех церквях России читали с амвонов царский манифест об освобождении крестьян. Казалось, что первоначальная программа «Колокола» реализуется, то есть освобождение крестьян с землей, обещание широких реформ суда, печати и пр. Герцен решил организовать торжественный обед и... поднять тост за Александра II. Он все еще верил в благие намерения этого царя.

2-й ведущий.

«Минута разочарования» — так назвал реформу не кто иной, а сам император всероссийский Александр II. Крестьянская «великая» реформа проводилась пулями, штыками, розгами. Крестьяне же ответили на «освобождение» массовыми выступлениями. По секретным отчетам III отделения только в 1861 году в России волнения крестьян захватили 1370 имений. Причем в 717 имениях были введены войска. В результате 140 убитых и 170 раненых.

Конец весны и начало лета 1861 года было пиком крестьянских волнений в ответ на реформу. Они охватили 32 губернии. «Колокол» под воздействием вестей, доходящих из России, меняет свою программу. В центре его внимания по-прежнему стоит крестьянский вопрос. Но теперь уже Герцен и Огарев освещают его с позиций оценки проведенного царизмом «освобождения».

1-й ведущий.

1 июля 1862 года в «Колоколе» появилось «Письмо первое», обращенное к другу, фамилия которого не называется. Это письмо открыло целый цикл из восьми писем, известный под общим названием «Концы и начала». Письма публиковались в «Колоколе» вплоть до 15 февраля 1863 года. Письма полемические. В них Герцен как бы аккумулирует все раздумья, все наблюдения, все сомнения и надежды по поводу одного главного — как, куда, каким путем пойдет развитие русского общества, русской культуры. Герцен ищет «начала» мира грядущего.

2-й ведущий.

Последняя часть «Былого и дум», отрывки из которой Герцен печатал в 1867 — 1869 годах, — сплошное мелькание городов. Женева — Ницца — Флоренция — Венеция — Виши — Цюрих — Брюссель — Париж. Это только самые основные вехи его странствий. «Еду сегодня вечером в Фрибург», «В Берне, разумеется, был прежде Фрибурга», «Фогт требует Карлсбада», «В Женеве буду 15 или 16», «В воскресенье или понедельник я еду в Виши. Осмотревшись там... заеду в Лион» — это из писем Огареву с середины августа до середины сентября 1868 года.

Последние годы жизни Герцена, если судить по его письмам, разрозненным дневниковым записям, — тяжелейшие годы для человека, привыкшего всю жизнь быть в кипении мысли, общественных столкновений, бурном людском потоке и вдруг оставшемся в одиночестве на каком-то необитаемом острове.

1-й ведущий.

Январский день 1870 года был поначалу днем обычным. За завтраком доложили, что пришел Иван Сергеевич Тургенев. После восстания в Польше, после того, как Тургенев давал в 1864 году показания в сенатской комиссии относительно своих отношений с Герценом, между Герценом и Тургеневым произошел разрыв. Приход Тургенева был неприятен Герцену. Но он этого не показал и вел обычный оживленный разговор.

Уходя, Тургенев спросил, бывает ли Герцен по вечерам дома.

— Всегда, — ответил Герцен. На том и разошлись.

Ночь прошла беспокойно. Герцен не спал, жаловался, что и бок и ноги ломит нестерпимо. Потом начался жар и бред. Утром вызвали телеграммой знаменитого доктора Шарко. Он приехал в одиннадцать часов и выслушал больного. Хрипов в легких не обнаружил, но, сказав, что в первые дни болезни выслушивание мало дает, сделал назначение. На следующий день стало очевидным — воспаление в левом легком. Шарко так прямо и сказал это при Герцене. Но он казался спокойным. 18 января как будто бы наступило улучшение. В этот день Герцен своей рукой приписал к письму Таты (дочери) несколько слов Огареву. Это был его последний автограф. Воспаление легких, осложненное диабетом, стало быстро прогрессировать. Созвали консилиум, однако ему уже ничего не могло помочь...

21 января Герцена не стало.

1-й ведущий.

После смерти Александра Ивановича Герцена 9 (21) января 1870 года в Париже появилось несколько некрологических материалов. Один из наиболее известных — некролог Н. С. Лескова, опубликованный в начале 1870 года в газете «Биржевые новости» в рубрике «Русские общественные

заметки». В этом тексте Лесков противопоставлял Герцена его русским последователям, изображая последних в негативном свете. Он критиковал безнравственные поступки деятелей русского революционного движения, с которыми Герцен находился в разрыве. В результате образ Герцена в некрологе Лескова приобретал религиозные коннотации (смирение, вина, покаяние), а жизнь публициста рассматривалась как пример нравственной максимы.

2-й ведущий.

«Есть два типа ума: один весь уходит в устное слово, другой, как у Пушкина, в строчку, ни слушать его, ни говорить с ним неинтересно. Ты же, Герцен, одинаков и в слове, и в строчке. И вот я думаю: зачем столько ума одному человеку? И правда, непринужденность, ясность мысли, огромные разносторонние знания поражают».

В. Г. Белинский (из письма Герцену)

При жизни став символом оппозиции, Герцен оставил богатое наследие русской культуре и общественной мысли. В своих работах Герцен с большой честностью и проницательностью разбирал проблемы своего времени: крепостное право, самодержавие, социальные противоречия. Его произведения не были просто художественными — они несли мощный социальный заряд, побуждая читателя задуматься о несправедливостях вокруг.

Влияние Герцена вышло далеко за пределы его эпохи. Его идеи вдохновляли последующие поколения мыслителей — от народников до представителей революционного движения. Даже сегодня его работы остаются актуальными: в них поднимаются вечные вопросы о свободе, социальной справедливости, роли личности в истории.

Наивысшую оценку творческому пути А. И. Герцена дал Л. Н. Толстой: «Я всегда знал, что Герцен — первый писатель на Руси».

Список использованной литературы

Книги

1. Володин, А. И. Герцен / А. И. Володин. - Москва : Мысль, 1970. - 215 с.
2. Герцен в воспоминаниях современников : мемуары / А. И. Герцен; сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Путинцева. - Москва : Гослитиздат, 1956. - 447 с. : 12 л. ил.
3. Желвакова, И. А. Герцен / Ирена Желвакова. - Москва : Молодая гвардия, 2010. - 546, [1] с., [16] л. ил., портр., факс.
4. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812 - 1870 / редкол.: Б. Ф. Егоров [и др.] ; авт. введ. С. Д. Гурвич-Лищинер; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. - Москва : Наука, 1974. - Т. 1 : 1812 - 1850. - 612 с. : 6 л. ил.
5. Орлова, Р. Последний год жизни Герцена / Раиса Орлова. - New York : Chalidze, 1982. - 94 с.
6. Пирумова, Н. И. Александр Герцен : жизнь и деятельность / Н. И. Пирумова. - Москва : Учпедгиз, 1962. - 104 с. : ил.
7. Плеханов, Г. В. А. И. Герцен : сб. ст. / Г. В. Плеханов ; авт. предисл. В. Ваганяна. - Москва : Гос. изд., [1924]. - [4], 215 с.
8. Прокофьев, В. А. Герцен / В. А. Прокофьев. - 2-е изд. - Москва : Молодая гвардия, 1987. - 398 с. : 16 л. ил.
9. Путинцев, В. А. Герцен-писатель / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. - Москва : Изд-во Акад. Наук СССР, 1952. - 239 с.
10. Соловьев, Е. А. А. И. Герцен: его жизнь и литературная деятельность. — Санкт-Петербург : Изд. Ф. Павленкова, 1897. - 160 с.
11. Туниманов, В. А. А. И. Герцен и русская общественно-литературная мысль XIX в. / В. А. Туниманов. - Санкт-Петербург : Наука, 1994. - 218 с.

Статьи

12. Сухих, И. Слева, где сердце : к 210-летию со дня рождения Александра Герцена / И. Сухих // Литературная газета. - 2022. - № 14 (6 - 12 апр.). - С. 21 : портр.
13. Федотова, А. А. «Его прободали те, за кого он распялся» : некролог Н. С. Лескова об А. И. Герцене // Верхневолжский филологический вестник. - 2017. - № 3. - С.8-15. - Электрон. копия доступна на сайте науч. электрон. б-ки КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ego-probodali-te-za-kogo-on-raspyalsya-nekrolog-n-s-leskova-ob-a-i-gertsene> (дата обращения: 12.08.2026).

14. Филатова, А. Герцен. Между любовью и долгом // Блог Исторического музея : [сайт]. - Москва, 2015 - 2026. - URL: <https://blog.mediashm.ru/?p=1822> (дата обращения: 12.08.2026).